

ТРЕТИЙ АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ ПАКЕТ

9 сентября 2011 г. в первом чтении Государственная Дума одобрила третий антимонопольный пакет, подготовленный ФАС России и внесенный на рассмотрение Правительством РФ. Что выиграет оборот в случае его принятия? Каковы болевые точки законопроекта? Какие проблемы следовало бы урегулировать четвертым антимонопольным пакетом? С этими вопросами мы обратились к нашим экспертам.

Сергей Пузыревский,

начальник правового
управления ФАС России,
кандидат юридических наук

— На мой взгляд, третий антимонопольный пакет — это документ, который призван обеспечить точечную настройку основных антимонопольных институтов. Это касается как вопросов пресечения монополистической деятельности хозяйствующих субъектов (запрет злоупотребления доминирующим положением, антиконкурентные соглашения), так и антиконкурентных действий органов государственной и муниципальной власти, которые препятствуют развитию конкуренции в России.

В частности, законопроект уточняет критерии определения монопольно высокой цены, расширяя возможность применения метода сопоставимых рынков (предлагается учитывать результаты биржевых торгов и индикаторы мировых рынков). Кроме того, существенно сокращается перечень запретов *per se* и вводится понятие «картель». Уголовная ответственность за вертикальные соглашения и согласованные действия исключается. Вводится быстрая процедура рассмотрения жалоб на торги, проведенные с нарушением антимонопольных правил (семь дней), и ответственность чиновников за такие нарушения.

Принятие законопроекта приведет к формированию в России прозрачных антимонопольных правил. Это существенно упростит работу бизнеса и повысит ответственность чиновников.

Многие положения третьего антимонопольного пакета вызывали бурные дискуссии в процессе его подготовки. Одной из таких норм является предложение о предоставлении Правительству РФ права определять правила недискриминационного доступа к объектам инфраструктуры, с использованием которых оказываются услуги в сфере деятельности естественной монополии. Это должно способствовать развитию конкуренции в сопряженных с естественными монополиями сферах.

Кроме того, сложным вопросом стало определение соотношения положений законодательства о защите конкуренции и антикоррупционного законодательства, обязывающего компании отказываться в заключении договоров лицам, замешанным в коррупции.

Похоже, что по всем этим вопросам нам удастся найти сбалансированные решения.

Самой большой ценностью любого демократического государства с рыночной системой экономики является стабильность правового регулирования. Поэтому я надеюсь, что, если в рамках третьего антимонопольного пакета нам удастся реализовать предлагаемые изменения, на нем следует остановиться.

Василий Рудомино,

старший партнер юридической
фирмы «АЛРУД»

— Последние изменения в антимонопольное законодательство вводят понятия «картель», «контроль», «синдикат», «бойкот», отражают результаты последних обсуждений с бизнес-сообществом существующих проблем соблюдения антикоррупционного законодательства и введения института предупреждений, частично признают группу лиц единым хозяйствующим субъектом, регулируют создание совместных предприятий, вводят смягчающие обстоятельства. Как видим, антимонопольное законодательство становится все более современным.

Положительным изменением является также введение дополнительного критерия для сделок экономической концентрации, совершаемых между иностранными лицами. Этот критерий призван сократить количество ходатайств от иностранных лиц, приобретающих компании, которые практически не ведут бизнес в России.

Однако значительная часть проблем в деятельности ФАС России возникает из-за того, что в законодательстве очень широко определены цели антимонопольного регулирования: от обеспечения единства экономического пространства, защиты конкуренции и создания условий для эффективного функционирования товарных рынков (ст. 1 Закона о защите конкуренции) до защиты «ущемленных интересов» отдельных лиц (ст. 10 Закона о защите конкуренции).

ции). Таким образом, ФАС России часто является единственной инстанцией в защите пострадавших, в том числе конкурентов, и должна решать широкий круг задач, а не только обеспечивать конкуренцию на российском рынке. Но эта проблема является скорее не законодательной или правоприменительной, а институциональной для российской правовой системы.

Сложившаяся система таит в себе определенные опасности. Во-первых, это значительная нагрузка на имеющиеся весьма ограниченные ресурсы, которая приводит к снижению стандартов доказывания. Во-вторых, отвлеченность от основных целей антимонопольного контроля невольно приводит к желанию расширить полномочия и решать другие социально значимые проблемы. Поэтому на данном этапе мне кажется более важным акцентировать внимание на том, как должна развиваться практика применения антимонопольного законодательства с учетом лучшего зарубежного опыта и реалий развития российской экономики, а не на очередном, четвертом, антимонопольном пакете.

Алла Варламова,

профессор кафедры
коммерческого права
юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

— Принятие третьего антимонопольного пакета — в целом положительное правовое явление. В законопроекте уточнены некоторые основополагающие понятия антимонопольного законодательства, введены новые, нашли отражение не урегулированные ранее процессуальные вопросы рассмотрения дел о нарушении законодательства о защите конкуренции. Его безусловным достоинством является наличие норм, регулирующих конкурентные отношения на отраслевых рынках (на рынке электроэнергетики). Позитивным моментом является и включение в ФЗ «О защите конкуренции» положений, направленных на стимулирование развития конкуренции, в частности уточняющих процедуру проведения торгов.

Каковы болевые точки законопроекта? Законодатель в очередной раз обошел вниманием проблему уточнения некоторых ключевых понятий антимонопольного законодательства.

Появление в законопроекте понятия «картель» и введение отдельной ст. 11.1, целиком посвященной регулированию согласованных действий, не устраняет главного недостатка правового регулирования соглашений и согласованных действий — крайней сложности доказывания согласованных действий хозяйствующих субъектов. Сокращение числа критериев, используемых ст. 9 ФЗ «О защите конкуренции» для отнесения хозяйствующих субъектов к группе лиц, — также весьма сомнительное нововведение.

Законопроект не вносит каких-либо видимых улучшений в правовое регулирование вертикальных соглашений. Возможность заключения наиболее важных для торгового оборота дилерских и дистрибьюторских соглашений по-прежнему ограничена законом.

Третий антимонопольный пакет предусматривает включение в ст. 3 ФЗ «Об электроэнергетике» понятия «манипулирование ценами на оптовом рын-

ке электроэнергии». В целом это правильное решение, однако предложенное определение манипулирования ценами не учитывает специфики функционирования оптового рынка электроэнергии, состоящего из различных сегментов. Неясно, о каком сегменте рынка идет речь в тексте проекта и какая цена должна признаваться «ранее установленной».

Таким образом, третий антимонопольный пакет оставил законодателю широкое поле для деятельности.

Евгения Борзило,

руководитель корпоративной/
антимонопольной практики
компания *Hannes Snellman LLC*

— Насколько нужен обороту третий антимонопольный пакет? — Нужен. И для исправления дефектов второго антимонопольного пакета, и для унификации, и для адаптации антимонопольного законодательства к меняющимся экономическим условиям.

Каковы его болевые точки? К сожалению, эти точки неизменны в каждом новом пакете поправок и в основном являются результатом компромисса между группами влияния — государственными органами, общественными организациями и, безусловно, различными бизнес-сообществами. У каждой из таких групп (да и внутри них) интересы различны, а зачастую противоположны. Как следствие, появляются либо «беззубые» нормы с низкой юридической техникой, либо нормы очень широкие и неконкретные, где велико пространство для произвольного усмотрения правоприменителя. В третьем антимонопольном пакете все это будет заметно — например, в изменившихся нормах о соглашениях и согласованных действиях, в нормах о торгах и процедуре рассмотрения дел по ним, которые приведут к очередной неразберихе.

Какие вопросы следовало бы урегулировать четвертым антимонопольным пакетом? Наилучшим вариантом было бы отсутствие необходимости в четвертом антимонопольном пакете хотя бы в ближайшие три года и внятная единая правоприменительная практика. Однако направления для дальнейшего законодательного совершенствования видны уже сейчас: требуется уточнение норм о картельных соглашениях, регламентация подходов к определению доминирующего положения и злоупотреблению им, более прозрачная и четкая структура работы антимонопольного органа, в том числе и в сфере торгов.

Константин Тотьев,

профессор НИУ ВШЭ,
кандидат юридических наук

— В последние несколько лет изменения в российском антимонопольном законодательстве происходят под знаком надуманной и показной гиперболизации одних проблем на фоне почти полного забвения других и нежелания проектантов прислушиваться к мнению независимых экспертов. К сожалению, не стал исключением из этой настораживающей тенденции и принятый 9 сентября Государственной Думой РФ в первом чтении проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“ и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации», затронувший две трети всех статей ныне действующей редакции Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Известно, что данный проект (как и серия его предшественников) разрабатывался с целью минимизации правовых рисков бизнеса. Не зря руководители ФАС России на пресс-конференциях и в интервью по поводу подготовки этого документа не уставали повторять о своем внимании к нуждам предпринимателей и тесном взаимодействии с ними при разработке нормативных актов. Отсюда бросающееся в глаза даже неспециалисту многолетнее стремление разработчиков законопроекта сделать его как можно более понятным и прозрачным для главных адресатов — субъектов предпринимательской деятельности. Правда, в одобренном депутатами проекте склонность реформаторов антимонопольного законодательства к бесконечным упрощениям и уточнениям была несколько урезана по сравнению с его первоначальным вариантом, но тем не менее сохранилась в наиболее существенных своих проявлениях (к ним, например, можно отнести поправки в п. 5 и 17 ст. 4, ст. 8 и 9 Закона о защите конкуренции).

По мысли разработчиков проекта, требование определенности правовых норм достигается исключительно простотой и одновременно максимальной детализацией изложения нормативного материала. Между тем с точки зрения общеевропейской юридической практики и Конституционного Суда РФ (см., например, п. 4 Постановления от 27.05.2003 № 9-П и п. 4.3 Постановления от 29.03.2011 № 2-П) определенность базируется на соблюдении принципа равенства всех перед законом. Из этого же исходил и Пленум ВАС РФ (см. п. 4 Постановления от 30.06.2008 № 30), когда формулировал позицию о возможности арбитражных судов дополнять открытый перечень форм злоупотребления доминирующим положением на основе общих критериев ст. 10 ГК РФ. Авторы комментируемого законопроекта, напротив, исходят из того, что такая детализация может происходить исключительно по решению законодателя, иначе они вряд ли стремились бы уточнить и расширить перечень составов данной формы монополистической деятельности именно на основе законодательного решения, о чем свидетельствует, в частности, дополнение ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции п. 11 (с учетом легального определения понятия «манипулирование ценами», проектируемого почему-то в другом законе — в ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»). Это незначительное на первый взгляд изменение при внимательном рассмотрении создает основу для ненужных разночтений в позициях законодателя и в судебной практике. Предвидение последствий применения правил о конкуренции и соблюдение принципа равенства (в части стандартов расширения открытого перечня нарушений) становятся невозможными, если разработчики законопроекта не учитывают всего комплекса ранее принятых решений органов государственной власти.

Излишне говорить, что такое игнорирование авторами проекта формируемой Пленумом ВАС РФ судебной практики не может положительно повлиять на минимизацию правовых рисков бизнеса. Если массив судебно-арбитражных решений движется в одном направлении, а будущий (в случае его принятия и вступления в силу) Закон — в другом, такие риски не только не уменьшаются, но и значительно возрастают.

Способствует этому и невнимание разработчиков проекта к давно назревшим вопросам, например к проблеме состава такого правонарушения, как недобросовестная конкуренция (п. 9 ст. 4 и ст. 14 Закона о защите конкуренции). В отличие от других статей этого Закона, указанные правовые нормы не менялись с момента его вступления в силу в октябре 2006 г. Между тем предпринятые почти три года назад масштабные изменения немецкого Закона против недобросовестной конкуренции от 03.07.2004 и последовавшая за ними корректировка судебной практики свидетельствуют о постоянном внимании законодателя и судов в Германии к зависимости предпринимательского климата от эффективного пресечения недобросовестной конкуренции.

Перечисленных и иных недостатков комментируемого проекта можно было бы легко избежать, если бы разработчики новелл очередного антимонопольного пакета не подменяли широкое, основанное на прочной научной базе и, главное, по-настоящему заинтересованное обсуждение проекта чередой бессодержательных заклинаний о верности идеалам свободной конкуренции.

Юлий Тай,

управляющий партнер
адвокатского бюро «Бартолиус»,
доцент кафедры гражданского
и арбитражного процессов
Российской академии правосудия,
кандидат юридических наук

— Мероприятия по улучшению и доработке любого нормативного акта нельзя закончить, их можно только прекратить. Это очевидно любому, кто хоть раз брался написать научную работу или тем более диссертацию, поскольку нет предела совершенству. Но мы уже не раз отмечали, что частые и существенные изменения в нормативное регулирование любой отрасли права крайне негативно сказываются на интересах граждан и юридических лиц. Нельзя не заметить, что сама процедура законотворчества в России на современном этапе по целому ряду причин базируется на политической воле первых лиц государства, ведомственном активизме и только в последнюю очередь — на усилиях лоббистов. Мнение широкого круга заинтересованных юридических и физических лиц учитывается в исключительных случаях — например, по законопроекту о рыболовстве.

Практика применения Антимонопольного закона выявила целый ряд юридических и юридико-технических недостатков, какие-то новеллы оказались неэффективными или чрезмерно и необоснованно затрудняющими жизнь хозяйствующих субъектов. Вслед за общей логикой исторического развития общества (реформа — реакция — контрреформа) антимонопольное законодательство развивается по той же спирали. Первоначально Закон был либеральным и несовершенным, второй пакет закрутил гайки, третий пытается нивелировать недостатки и перегибы второго, но почему-то уже сейчас легко спрогнозировать, что неминуемый четвертый будет максимально жестким.

Не уверен, что предложенный редакцией термин «болевые точки» в данном случае вполне подходит, поскольку в целом законопроект носит либеральный характер и улучшает положение хозяйствующих субъектов. Кроме того, при его подготовке ФАС России привлекла экспертное сообщество (прежде всего НП «Содействие развитию конкуренции», а также Ассоциацию европейских юристов, «ОПОРУ России», «Деловую Россию»). Однако два изменения в действующий Закон расходятся с общей идеологией второго пакета и вызывают некоторые обоснованные опасения.

Первое — это предоставление антимонопольному органу возможности разъяснять решения и (или) предписания, выданные комиссиями по рассмотрению дел о нарушении антимонопольного законодательства, исправлять описки, опечатки и арифметические ошибки, а также возможности рассмотрения дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Эти изменения очевидным образом «расслабляют» антимонопольный орган и снижают уровень его ответственности, поскольку позволяют исправить недостатки своей деятельности и провести некую работу над ошибками, что по отношению к сильной стороне в административном производстве недопустимо. Указанные изменения значительно понижают уровень правовой защиты лиц, привлекаемых к ответственности, и степень правовой определенности, поскольку государственный орган изначально может занять одну правовую позицию, а потом дополнять и совершенствовать ее. Это абсолютно недопустимо, поскольку каждый с самого начала должен знать, в чем и на каком основании его обвиняют, а также потому, что все неустранимые сомнения и недостатки в доказывании должны толковаться в пользу частных лиц.

Также трудно согласиться с расширением круга лиц, имеющих право рассматривать дела об административных правонарушениях, наделив таким правом начальников структурных подразделений. На практике расширение круга лиц, наделенных правом вынесения решений, может привести к снижению уровня и качества рассмотрения таких дел, а следовательно, к нарушению прав хозяйствующих субъектов.

Наибольшим достоинством четвертого пакета могла бы стать дата его принятия — не ранее 2015 г.

Максим Бульба,

партнер юридической фирмы *CMS*

— Во-первых, хотелось бы отметить, что 9 сентября законопроект был принят в первом чтении, поэтому говорить о его окончательном одобрении в существующей редакции не приходится. Из публичных заявлений руководства ФАС России известно, что ко второму чтению его планируется доработать, но ожидаемые изменения, впрочем, скорее всего будут носить характер уточнений, а не концептуальных поправок.

Очевидно, что принятие третьего пакета назревало давно. За два года, прошедшие с момента вступления в силу второго антимонопольного пакета, практика применения законодательства о конкуренции показала, что существующий понятийный аппарат требует уточнения и совершенствования. Отдельные ограничения, предусмотренные действующей редакцией Закона

о конкуренции, фактически не выполняют своей основной цели — не защищают конкуренцию, но препятствуют нормальному ведению хозяйственной деятельности участниками рынка. Сказанное, в частности, относится к распространению установленных Законом ограничений на компании одной группы лиц. Поэтому бизнес, очевидно, будет приветствовать изменения, позволяющие входящим в одну группу компаниям включать в заключаемые между ними соглашения положения, которые по общему правилу признаются ограничивающими конкуренцию и не допускаются.

Таких позитивных изменений в третьем антимонопольном пакете немало, однако говорить о решении всех спорных вопросов было бы не вполне корректно. Так, по-прежнему требуют совершенствования такие актуальные моменты, как, например, использование излишне абстрактных и размытых понятий в определении ключевых положений антимонопольного законодательства (к примеру, антимонопольное законодательство применяется к действиям и соглашениям, «оказывающим влияние на состояние конкуренции», в то время как определения того, что понимается под «влиянием на конкуренцию», нет). Отдельные вопросы возникают в отношении регулирования вертикальных соглашений, порядка анализа рынка и оценки доли его участников рынка, а также еще целого ряда проблем, о которых знает и говорит экспертное сообщество.

Резюмируя сказанное: какие бы заявления ни делали представители государственных органов, появление в обозримом будущем четвертого антимонопольного пакета для решения указанных задач представляется вполне вероятным.

Илья Ищук,

партнер адвокатского бюро
«Корельский, Ищук, Астафьев
и партнеры», адвокат,
кандидат юридических наук

— Регулярное появление новых антимонопольных пакетов уже стало традицией и для ФАС России, и для участников рынка. Третий пакет, на мой взгляд, появляется очень своевременно.

Очевидно, что он подготовлен на основе практики применения действующего антимонопольного законодательства и носит сугубо прикладной характер. Предыдущий, второй, антимонопольный пакет в разы увеличил круг хозяйствующих субъектов, которые подпадали под антимонопольное регулирование. Для многих это стало основанием если не для паники, то для серьезных опасений. Новый пакет носит уточняющий, конкретизирующий характер. Очень своевременными представляются такие нововведения, как декриминализация некоторых составов, ранее квалифицировавшихся как уголовно наказуемые деяния, придание некоторым нарушениям материального характера (обязательность наличия фактов ограничения конкуренции), ограничение возможности применения оборотных штрафов, изменение порядка согласования сделок и пр. Многие компании, особенно не крупные, не имеющие существенной рыночной силы, теперь смогут вздохнуть спокойнее.

Болевые точки предлагаемых нововведений, на мой взгляд, как всегда, кроются во все большем увеличении полномочий антимонопольных орга-

нов. Возможность проведения документальных проверок, полномочия по направлению предостережений, направленных на предупреждение нарушения антимонопольного законодательства, полномочия по выдаче предписаний организаторам торгов — все это приводит к тому, что ФАС России постепенно начинает относиться к категории правоохранительных органов.

Что необходимо будет урегулировать четвертым антимонопольным пакетом, покажет практика применения третьего и предыдущих. Однако уже сейчас, на мой взгляд, серьезного усовершенствования требуют процессуальные аспекты проведения как проверок, осуществляемых ФАС России в рамках своих полномочий, так и самой процедуры рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства. Только предельная процессуальная конкретизация даст возможность хозяйствующим субъектам полноценно защищать свои права и законные интересы перед антимонопольным органом. Тем более это необходимо с учетом все увеличивающихся полномочий ФАС России.

Виталий Пружанский,

эксперт в области
антимонопольного
регулирующего *RBB Economics*,
доктор экономических наук

— Третий пакет поправок к Закону «О защите конкуренции» оставил без изменений норму о доминирующем положении нескольких хозяйствующих субъектов (группы лиц) — ч. 3 ст. 5. В действующей редакции коллективное доминирование определяется через структурные факторы — рыночные доли компаний и их динамику. Такое механическое определение коллективного доминирования приводит к росту издержек правоприменения, поскольку под достаточно широкие условия указанной нормы могут подпадать многие компании и отрасли.

Логика ч. 3 ст. 5 Закона, кроме того, отнюдь не бесспорна и с экономической точки зрения. На практике доминирование определяется как возможность влиять на рынок в одностороннем порядке, без учета действий конкурентов и покупателей. Согласно этой же логике коллективное доминирование должно позволять некоей группе хозяйствующих субъектов сообща влиять на рынок. Однако условия, изложенные в ч. 3 ст. 5, статичны и не дают представления о том, имеют ли исследуемые субъекты стимул действовать сообща и, если имеют, в состоянии ли они эти действия осуществить. В развитых странах именно эти два вопроса и отражают возможность коллективного доминирования группы лиц путем координации своих действий, причем стандарты доказательств достаточно высоки¹. Хотелось бы надеяться, что российские практики антимонопольного регулирования смогут перенять передовой западный опыт в этой области и отразить его в последующих поправках к Закону.

¹ См., к примеру, дело № Т-342/99, рассмотренное Европейским судом первой инстанции (Court of First Instance), касающееся решения Еврокомиссии о запрете слияния туристических компаний Airtour и First Choice, продающих пакеты зарубежных туров.

Андрей Рего,

директор департамента
управления регуляторными
рисками ОАО «МТС»,
кандидат юридических наук

— Третий антимонопольный пакет, безусловно, нужен, поскольку многие его нововведения уже давно ожидаются рынком.

К их числу в первую очередь можно отнести существенное ограничение ранее практически неосязаемого понятия группы лиц, сокращение количества абсолютных запретов в соглашениях между конкурентами, разделение запрещенных соглашений и согласованных действий с выведением из-под них тех, которые заключаются либо осуществляются между субъектами, входящими по некоторым признакам в группу лиц. Этим перечень предложений, которые, как я надеюсь, принесут в правила поведения большую четкость и прозрачность как со стороны регулятора, так и со стороны бизнеса, далеко не исчерпан. Можно говорить о целом комплексе изменений.

Нельзя не отметить предлагаемые и поддержанные официальным отзывом Верховного Суда РФ изменения в ст. 178 Уголовного кодекса РФ, устанавливающую ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции. При сложившейся практике применения антимонопольных норм, в том числе судебной, исключение из диспозиции ст. 178 согласованных действий и вертикальных соглашений вполне оправданно.

Однако довольно тяжелый и долгий процесс подготовки и обсуждения третьего антимонопольного пакета свидетельствует о том, что не все его предложения однозначно поддерживаются бизнес-сообществом и профессиональными экспертами. Нормы сугубо практического характера и понятийный аппарат активно обсуждались на различных площадках (ОКЮР, НП «Содействие развитию конкуренции», РСПП), в том числе совместно с Федеральной антимонопольной службой. Наибольшее внимание уделялось необходимости конкретизации норм о монопольной цене, уточнению признаков согласованных действий в целях их разграничения с допустимым «параллельным» поведением, понятию «товарный рынок», экстерриториальности, включению в антимонопольное законодательство механизмов предупреждения нарушений.

К сожалению, не по всем пунктам участники обсуждений пришли к согласию. Поэтому надеюсь, что работа над законопроектом продолжится при прохождении законопроекта в Государственной Думе, тем более что за время согласительных процедур уже формулирован ряд новых предложений, не вошедших в первоначальный текст законопроекта.

У каждого нормативного акта есть определенные циклы, прохождение которых может свидетельствовать о его эффективности или ставить его под сомнение. За частым изменением нормативной базы не успевают хозяйствующие субъекты, в отношении которых применяется антимонопольное законодательство, происходит задержка при формировании правоприменительной и судебной практики, что объективно не может не сказываться отрицательно на стабильности хозяйственных отношений. Работа над третьим пакетом началась практически сразу после принятия второго, но сейчас говорить о подготовке нового пакета изменений в антимонопольное законодательство преждевременно. Есть надежда, что большинство вопросов все же будет решено

в рамках третьего пакета. Тем не менее нельзя отрицать возможность появления четвертого, например, в связи с реформированием законодательства о естественных монополиях.

Марат Мурадов,

партнер московского офиса
юридической фирмы
Baker & McKenzie

— С момента принятия довольно значительных изменений в антимонопольное законодательство в рамках второго антимонопольного пакета прошло уже два года. За это время активность антимонопольного ведомства существенно возросла, в связи с чем назрела необходимость не столько кардинально изменить, сколько усовершенствовать, сделать более понятными, а в ряде случаев — упростить существующие механизмы регулирования отношений в области конкуренции. В этом смысле потребность в третьем антимонопольном пакете действительно назрела. От него прежде всего ожидают упрощенных процедур контроля за экономической концентрацией, а также более четкой квалификации согласованных действий и координации экономической деятельности. Этих целей в значительной степени удалось достигнуть в рамках прошедшего первого чтения пакета изменений, однако остаются и вопросы, регулирование которых требует дальнейшего совершенствования.

К примеру, не решен вопрос о том, можно ли считать вертикальными соглашения о купле-продаже товаров, заключаемые конкурирующими хозяйствующими субъектами. Что касается согласованных действий, то включение в определение этого понятия в качестве дополнительного квалифицирующего признака так называемого публичного заявления одного из участников таких действий об их совершении представляется чрезмерным шагом в сторону либерализации этого института: в результате останутся безнаказанными согласованные действия, ведущие к негативным последствиям для рынка, которые вполне могут инициироваться на основе взаимной информированности их участников и без публичного заявления.

Дальнейшие изменения антимонопольного законодательства, по всей видимости, также будут нацелены на прояснение положений, вызывающих неоднозначное толкование на практике. Помимо разрешения уже названных проблем, следует выработать позицию по так называемой селективной дистрибуции, которая фактически используется значительным количеством участников рынка в целях обеспечения качественного отбора дистрибьюторов для реализации продукции и оказания сопутствующих услуг.

Айбек Ахмедов,

юрист адвокатской фирмы
«ФарАдвокатСервис»,
Фергана

<http://i-juris.zakon.ru/>

— Одной из болевых точек данного законопроекта является проблематичность доказывания наличия положительно выраженного соглашения в случае, когда такое соглашение было заключено в устной форме или было утрачено. Это происходит несмотря на то, что действующий Закон о конкуренции предусматривает договоренность в устной форме (ст. 4).

Понятие согласованных действий — важный элемент в определении картеля — также является краеугольным для всего антимонопольного законодательства. При возникновении подозрения о существовании картеля судам придется столкнуться с неизбежными проблемами доказывания существования запрещенных согласованных действий.

Исходя из сказанного предлагается ввести критерии, определяющие наличие запрещенных согласованных действий, т.е. картеля. Они должны включать такие факторы, как ограничение конкуренции, создание дискриминационных условий, злоупотребление доминирующим положением, необоснованное изменение цен и др. Сторона, заявляющая о существовании запрещенных согласованных действий, обязана доказать, что в действиях одного или нескольких хозяйствующих субъектов присутствуют эти факторы. Вместе с этим необходимо заметить, что список критериев должен быть четко оговорен, чтобы не давать повод признавать каждое согласованное действие результатом картеля.